

ФИЛОСОФИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ. ТЕОРИЯ ПРАВА. ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА

Владимир Николаевич Гасилин

Профессор кафедры философии Поволжского института управления им. П. А. Столыпина – филиала РАНХиГС при Президенте РФ, доктор философских наук, заслуженный работник высшей школы РФ
E-mail: v.gasilin@yandex.ru

Юлия Ивановна Гасилина

Доцент кафедры гуманитарных, социально-экономических и правовых дисциплин Поволжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саратове, кандидат философских наук
E-mail: julia0043@mail.ru

Право и герменевтика как метод философии

Аннотация: в статье обсуждаются проблемы применения философской методологии герменевтики в юриспруденции, что представляется актуальным для юридических наук. Важность методологии исследования в юриспруденции никем не оспаривается, проблема состоит в том, какую методологию можно и следует эффективно использовать. Утверждается, что реализация герменевтической методологии в праве оказалась достаточно эффективной. Это продемонстрировано на концепции Э. Бетти как наиболее авторитетной и в области юриспруденции, и в области философской герменевтики. Это касается ключевых категорий герменевтики – толкования и понимания. Проанализированы принципы понимания (каноны) Э. Бетти, исходя из которых возникает «герменевтический круг». Проблема герменевтического круга известна давно и обсуждалась в философии в рамках не только философской герменевтики, но и экзистенциализма (М. Хайдеггер). Возникла новая дисциплина «юридическая герменевтика». В статье намечены пути применения в юриспруденции других методологий современной философии – психоанализа, философской антропологии, философии религии, аналитической философии.

Ключевые слова: методология юридического познания, юридическая герменевтика, понимание, толкование, герменевтический круг.

Vladimir Nikolaevich Gasilin

Professor of the Philosophical Department of the Volga region Institute of Management named after P.A. Stolypin – the branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Philosophy, Honorary Figure of Russian Higher Education

Julia Ivanovna Gasilina

Associate Professor of the Department of Humanitarian, Social Economic, and Legal Disciplines of the Volga-region Institute (the brunch) of the All-Russian State University of Justice in Saratov, Candidate of Philosophical Science.

Law and Hermeneutics as Philosophical Method

Annotation: *the authors of the article discuss the usage issues of the philosophical methodology of hermeneutics in jurisprudence, which is believed to be relevant within judicial science. Nobody questions a weight of research methodology in jurists but the question is which kind of methodology should be chosen to provide effective usage. The authors claim that realization of hermeneutic methodology in jurisprudence is found to be quite effective. It can be seen through E. Betty's concept as being the most establishing in both – jurisprudence and philosophical hermeneutics spheres. It touches core categories of hermeneutics which are interpretation and comprehension. The authors analyze E. Betty's comprehension principles (canons) which lead "hermeneutic circle". The issue of hermeneutic circle is long distinguished and has been discussing in philosophy not only due to the philosophical hermeneutics but due to existentialism as well (M. Heidegger). New discipline "judicial hermeneutics" was born. The article contains ways of usage in jurisprudence such methodologies of modern philosophy as psychoanalysis, philosophical anthropology, philosophy of religion, analytical philosophy.*

Keywords: *methodology of judicial research, judicial hermeneutics, comprehension, interpretation, hermeneutic circle.*

В настоящее время никто не сомневается в важности методологии как особой философской дисциплины. Она актуальна для всех наук, в том числе и юридических. Любая научная дисциплина стремится сохранить свою автономность и защитить свое право на существование, «отгородившись» в определенной мере от других научных дисциплин. Это вполне правомерно, справедливо, хотя никем и нигде «не узаконено». Научная дисциплина становится наукой в полном смысле слова, когда четко определяет объект, предмет своего исследования, а также методологию исследования.

Проблема состоит в том (при всей ее важности), что практически осуществить данную программу оказывается затруднительно. И дело не только в том, что в современной науке происходит стирание граней между различными дисциплинами, образование междисциплинарных исследований (что оказывается весьма перспективным делом). Мы полагаем, что задача состоит в возможности и необходимости использования результатов, достигнутых в современной философии, которую сами творцы именуют неклассической (и даже неоклассической). В первую очередь это относится к современной философской методологии.

Изложенная мысль касается любых научных дисциплин, в том числе юридических. Процесс интеграции достаточно успешно идет как в рамках самих юридических дисциплин, так и с другими научными дисциплинами. Мы хотели обратить внимание, прежде всего, на необходимость реализации подобного синтеза с философскими дисциплинами, и в особенности с философской методологией, хотя, в принципе, со всеми разделами философии, что в определенной мере и осуществлялось в истории философии и юриспруденции;

достаточно привести пример выяснения отношений такой философской дисциплины, как этика, с правом. И не только с этикой, а практически со всеми разделами философского знания. Философию и правоведение многое роднит с момента их возникновения; ведь первые законодательные системы в полисах Древней Греции разрабатывали философы (тогда и названия такой «специальности» не существовало). Мы не случайно обратили внимание на философскую методологию; именно союз, взаимодействие с ней обещает наиболее эффективные результаты.

Речь, разумеется, не идет о том, чтобы «возвысить» или подчеркнуть значимость философии как «царицы наук», как «науки наук». Это представление уже давно утратило реальный смысл, тем более что современная философия, хотя и содержит в себе важные элементы, роднящие ее с наукой, только наукой не является¹. Так что не «первенство» следует определять, а перспективность, эффективность совместных исследований.

Обратимся к проблемам философской методологии, способной влиять на совершенствование юридических наук, корректировать научные исследования. Между тем, как отмечает Д. А. Керимов, приходится признать наличие «сложившегося в правоведении нигилистического отношения к философскому осмыслению правовых феноменов, что усугубляется нередко непрофессиональным использованием соответствующих гносеологических средств познания. Возможно, именно этим объясняется то, что философскому осмыслению права в мировой и отечественной науке посвящены единичные произведения, которые тонут в море комментаторской и пропагандистской литературы»². На наш взгляд, сознательное использование эффективной философской методологии имеет не только теоретическое, но и практическое значение. В правоведении используются общенаучные методы — анализ, синтез, индукция, дедукция, системный метод и др. Они нередко используются без учета специфики социально-гуманитарного познания, хотя этот учет принципиально важен. Среди методов, ориентированных в основном на социально-гуманитарное познание, особого внимания заслуживает герменевтический метод.

Герменевтика возникла давно, но своего осознания она достигла в Средние века — тогда внимание исследователей (монахов) было сосредоточено на интерпретации священных текстов. Новое «вливание» с глубоко философским смыслом произошло в XIX в., когда проблемами интерпретации занимались языковед Вильгельм фон Гумбольдт, теологи Аст, Август Вильгельм Шлегель, правовед Савиньи, историк политики и теолог Р. Нибур, философы Вильгельм Дильтей и Георг Зиммель. И наконец, свой философский статус она окончательно получила в XX в. благодаря работам М. Хайдеггера, Х.-Г. Гадамера, П. Рикёра и др. Именно в этих вариантах она рассматривается как общая методология наук о духе, в том числе юридических.

К настоящему времени сложилась и успешно развивается такая дисциплина, как юридическая герменевтика. Ряд важных и интересных результатов исследований раскрывают эвристический потенциал герменевтики

¹ См.: Гасилин В. Н. Что такое философия. Саратов, 2004. С. 20–24.

² Керимов Д. А. Методология права. Предмет, функции, проблемы. М., 2001. С. 8–9.

в исследовании юридических проблем. Сошлемся на недавно вышедшую работу¹, авторы которой стремились представить достаточно широкий обзор теоретических и прикладных проблем применения герменевтического метода в сфере права. «Герменевтика необходима всюду, — пишет Ю. Ю. Ветютнев, — где есть стремление к продолжению традиций (П. Рикёр). Право — это сфера традиций, требующих усилий для своего сохранения. Авторитет текста (а значит, его легитимность) прямо пропорционален интенсивности этой интеллектуальной работы, которая с этим текстом ведется»².

Для изложения сути герменевтического метода мы воспользуемся современным альтернативным проектом Эмилио Бетти. Во-первых, он философ и правовед, во-вторых, его вариант содержит критические замечания в адрес концепций Х.-Г. Гадамера и Р. Бульмана, наиболее авторитетных в этой области.

Истолкование, по Бетти, применимо лишь к смыслодержащим формам; при этом «форма» понимается широко, как единая структурная взаимосвязь многих воспринимаемых элементов, причем эта взаимосвязь должна быть пригодна к тому, чтобы сохранять в себе отпечаток духа, который сотворил ее или воплощен в ней³. Люди способны понимать друг друга не потому, что обмениваются материальными знаками вещей и не потому, что — в силу некоторого трансляционного автоматизма — побуждают друг друга к одинаковым мыслям, но благодаря тому, что каждый приводит в движение соответствующий элемент собственного мира представлений и понятий и в каждом звучит та же самая струна духовного инструмента, вызывающая мысли, отвечающие мыслям говорящего⁴. Восприятие извне — не более чем повод для резонанса и созвучия.

Истолкование не обязательно предполагает, что мысль была высказана сознательно. У юриста, как и у историка, интерес обусловлен тем, что практическое поведение именно потому, что презентация не является его сознательной целью — дает наиболее подлинные и достоверные улики, выдающие установку действующей личности, т. е. оно позволяет с уверенностью сделать обратное заключение к доминирующему способу мышления. При этом Э. Бетти замечает, что в указанных случаях предметом истолкования остается объективное действие мысли, которое может быть выявлено в практическом поведении. Поскольку же это действие должно быть оценено как опосредованное, или имплицитное проявление определенного способа видеть и мыслить, постольку поведение, рассмотренное как симптом, вполне можно считать смыслодержащей формой в широком смысле объективации духа⁵.

Истолкование вообще предназначено для решения эпистемологических проблем. Однако уже начиная с М. Хайдеггера ему стремились, и не без

¹ См.: Юридическая герменевтика в XXI веке / под общ. ред. Е. Н. Тонкова, Ю. Ю. Ветютнева. СПб., 2016. (Толкование источников права.)

² Там же. С. 399.

³ См.: *Бетти Э.* Герменевтика как общая методология наук о духе / пер. с нем. Е. В. Борисова. М., 2001. С. 14–15. Наиболее полно содержание «Герменевтического манифеста» Э. Бетти см.: *Zur Grundlegung einer allgemeinen Auslegungslehre // Festschrift Rabei, Bd. II, 1954, Anm. I.*

⁴ См.: *Бетти Э.* Указ. соч. С. 16.

⁵ См.: Там же. С. 18–19.

основания, придать онтологическое значение (например, Рикёр). Истолковать — это привести к пониманию. Что делает юрист? Он истолковывает известные ему факты, законы, чтобы привести их в некоторую систему, ввести, в конечном счете, в систему как элемент соответствующей культуры. Это непростая задача, ибо следователь или судья стремится воссоздать ситуацию, связанную с преступлением. Он может обратиться при своей интерпретации событий к прошлому, к прошлым аналогичным случаям; это уже связано с историческим анализом в рамках герменевтики. Этому аспекту посвящен значительный раздел книги Гадамера¹. Но не он в первую очередь нас сейчас интересует. Субъект и объект истолкования, т. е. интерпретатор и смыслодержущие формы, суть те же самые, что и в любом познавательном процессе. Значит, здесь понимание представляет собой познание заново (*Wiedererkennen*) и повторное (*Nachkonstruieren*) конструирование смысла, а вместе с тем и духа, который может быть познан через формы его объективации и который заговаривает с мыслящим духом². Отсюда возникает антиномия: с одной стороны, от интерпретатора требуется объективность, с другой стороны, это требование объективности может быть выполнено только благодаря субъективности интерпретатора, благодаря его способности осознавать обусловленность адекватного предмету понимания. Он должен противопоставить его себе как некое инобытие, как нечто объективное и чужое³.

Принципами истолкования, или, как называет их Э. Бетти, канонами герменевтической автономии объекта являются: канон имманентности герменевтического масштаба, состоящий в том, что смыслодержущие формы следует понимать сообразно их собственным закономерностям. Второй канон, относящийся к объекту истолкования, был с образцовой точностью зафиксирован римским правоведом Цельсом в знаменитом тексте, полемическое острие которого направлено против сверхтонкого педантизма судебной риторики; он называется каноном тотальности и смысловой связности герметического рассмотрения. Он выявляет взаимоотношение и когерентность между отдельными составными частями речи, как и вообще любого изъяснения мысли, а также общую для них соотносительность с целым, частями которого они являются⁴. В области права этот канон применяется сегодня при истолковании как объяснений и действий, так и правовых норм и иных правовых предписаний, а также принципов судебного решения. Однако сфера его применимости значительно шире. Например, можно вспомнить о подходе к преступнику, основанном на постулате школы позитивного уголовного права, согласно которому при рассмотрении отдельного наказуемого деяния следует выявить его симптоматическое значение в рамках проявившейся в нем личности преступника, отсюда требование обращения к целому. Точно так же при истолковании правовых норм и законов толкователи более или менее сознательно апеллируют к канону

¹ См.: Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики : пер. с нем. / общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М., 1988. С. 383—413.

² См.: Бетти Э. Указ. соч. С. 24.

³ См.: Там же. С. 26—27.

⁴ См.: Там же. С. 28—31.

тотальности, прежде всего в случаях, когда требуется исключить толкования, которые могут нарушить последовательность системы, выработанной средствами догматики и включающей в себя толкуемую правовую норму. Например, когда возникает необходимость, сообразно требованиям международного частного права, исключить применение отдельных принципов судебного решения, почерпнутых из чужого правопорядка, в той мере, в какой они противоречат духу собственного правопорядка¹.

Канон аналогии касается не объекта истолкования, а субъекта, когда истолкование дополняет неполную регламентацию или ограничивает сферу ее действия. Такое истолкование признается правомерным, если имеется соответствующее политико-правовое основание или, напротив, если утверждается, что данное правовое предписание не допускает дальнейших следствий, поскольку было установлено или перенято вопреки правовой последовательности. Требуемая здесь интеграция, как и ограничение, известно ныне как аналогия распространительного и ограничительного истолкования. Тогда в процесс истолкования вводится элемент, выходящий за рамки чисто познавательного выявления смысла, поскольку возникает задача: задача адаптации и ассимиляции².

И еще один канон — канон актуальности понимания, на который обратил внимание Рудольф Бультман³. Его рассмотрение мы опускаем, поскольку он в основном касается истолкования в области религии.

Центральными проблемами, вокруг которых до сих пор ведутся дискуссии, являются проблемы объективности результатов, достигаемых посредством герменевтического метода, и так называемый герменевтический круг. Что касается первого, то даже краткий анализ, представленный выше, убеждает в возможности достижения объективных результатов. Сложнее обстоит дело с проблематикой герменевтического круга. Не так давно было опубликована статья В. М. Сырых, в которой резкой критике подвергнута книга А. И. Овчинникова⁴. Ни о каком герменевтическом круге в ней нет и речи; с позиций марксистско-ленинской теории познания и логики диалектического материализма профессор В. М. Сырых обрушивается на позицию А. И. Овчинникова, упрекая его в том, что тот «не прочел» и не процитировал ни одной работы К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина (ситуация напоминает дискуссии времен сталинизма). Это действительно так, цитат классиков марксизма-ленинизма нет, но в этом же можно упрекнуть и критика: в его статье нет ни одной цитаты классиков философской герменевтики; более того, они и не упоминаются. Вот вам и библейский принцип, который использует критик: «Не судите, да не судимы будете», — принцип, который не подходит к практике научных исследований.

¹ См.: *Bemmi Э.* Указ. соч. С. 35–36.

² См.: Там же. С. 37–38.

³ См.: *Bultmann R.* Geschichte und Eschatologie. Tübingen, 1958.

⁴ См.: *Сырых В. М.* Герменевтический круг как методологический тупик // Современные методы исследования в правоведении / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. Саратов, 2007. С. 195–234; *Овчинников А. И.* Правовое мышление в герменевтической парадигме. Ростов н/Д, 2002.

Мы отнюдь не стремимся защитить позицию Овчинникова, она, увы, небыстречна. Мы стремимся защитить герменевтический метод, который успешно применяется в правоведении, как в теории, так и на практике. Поэтому по меньшей мере странным выглядит «вердикт», который выносит В. М. Сырых: «Герменевтика с ее оригинальными, но недостаточно обоснованными претензиями на новую философию социального познания, как мы видим, ничего позитивного правовой науке дать не может, скорее, заводит ее в тупик. Нежели выводит на новые горизонты познания». И далее: «"Герменевтический круг", будучи основным орудием познания данной науки и ориентированным на отрицание объективного характера правовой науки, на деле представляет собой теоретический и методологический тупик, из которого нет выхода, нет никаких перспектив на дальнейшее развитие ни правовой науки, лишенной своей объективной, закономерной основы, ни правовой практики, лишенной действенной помощи правовой науки; ни активно действующему ученому-юристу, который согласно рецептам герменевтики должен больше доверять собственному правовому опыту, нежели накопленным человечеством теоретическим знаниям»¹.

Так действительно ли герменевтический круг представляет собой методологический тупик, из которого нет выхода? Разумеется, нет. Суть герменевтического круга состоит в следующем: для понимания целого необходимо понять его отдельные части, а части можно понять, если знаешь целое. Это, видимо, впервые осознал Ф. Шлейермахер, обративший внимание на различие «грамматической» и «психологической» интерпретации; любой текст — это фрагмент некоторой целостной душевной жизни личности, частности которой с ней опосредованы. Дильтей обратил внимание на понимание текста как «проявления жизни» творческого индивида, которое возможно при понимании жизни соответствующей эпохи. Решительный поворот в понимании герменевтического круга сделал М. Хайдеггер²: герменевтический круг представляет собой взаимообусловленность истолкования бытия человеком и человеческого существования (Dasein), задача состоит, следовательно, не в том, чтобы выйти из герменевтического круга, а в том, чтобы в него войти. Это иной поворот: герменевтический круг не только методологическая проблема, но и онтологическая. Х.-Г. Гадамер³ в своей философской герменевтике конкретизировал хайдеггеровское учение о понимании, включив него проблематику не только языковой традиции, в которой субъект находится изначально, но и понимание того, где он находится. А значит, герменевтический круг — это не только парадокс лингвистической реальности, он касается весьма широкого круга факторов, которые и следует как можно тщательнее учитывать.

С проблемой герменевтического круга сталкиваются не только в философии, но и в частных науках, в том числе в юридических: факты, на которых строится научная теория, не являются «чистыми» фактами, фактами «как

¹ Сырых В. М. Указ. соч. С. 233, 234.

² См.: Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М., 1993.

³ См.: Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1989; *Его же*. Актуальность прекрасного. М., 1991.

такowymi», они всегда оказываются теоретически нагруженными. Из чего исходить: из фактов или из теории в понимании события? Вот и «герменевтический круг», в котором реально оказываются юристы.

Мы не случайно подчеркнули эффективность герменевтики как методологии в юриспруденции, что привело к созданию такой дисциплины, как юридическая герменевтика. Аналогично можно было бы исследовать (и это задача на будущее в данной области) и иные современные философские методологии. Например, почему бы не заняться «стыком» с такой методологией, как психоанализ. Разумеется, не в той форме, которая ныне известна как «фрейдизм» (хотя и в ней есть интересные идеи), а в современных концепциях, таких как аналитическая психология и др. Не менее интересные результаты можно получить и на «стыке» с философией, идущей от Э. Гуссерля — феноменологией и далее с философской антропологией, философией религии, национальных отношений и т. д.

Таким образом, для юридических наук, их дальнейшего развития современная философия необходима. Но необходима, подчеркнем, не вообще философия, не философия права XIX в., а именно современная. Конечно, знание Платона, Аристотеля, Фомы Аквинского, Декарта, Канта, Гегеля и других философов никто не отменит. Это классики, они составили основополагающие учения, сформировавшие мировоззренческие и методологические основы культуры. Современная философия решает аналогичную проблему.

Пристатейный библиографический список

1. Бетти, Э. Герменевтика как общая методология наук о духе / Э. Бетти ; пер. с нем. Е. В. Борисова. — М. : Канон+ ; РООИ «Реабилитация», 2001. — 144 с.
2. Гадамер, Х.-Г. Актуальность прекрасного / Х.-Г. Гадамер. — М. : Искусство, 1991. — 368 с.
3. Овчинников, А. И. Правовое мышление в герменевтической парадигме / А. И. Овчинников. — Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 2002. — 259 с.
4. Сырых, В. М. Герменевтический круг как методологический тупик // Современные методы исследования в правоведении / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. — Саратов : СЮИ МВД России, 2007. — С. 195–234.
5. Хайдеггер, М. Работы и размышления разных лет : пер. с нем. / М. Хайдеггер ; сост., переводы, вступ. статья, примеч. А. В. Михайлова. — М. : Гнозис, 1993. — 464 с.

References

1. Betti, EH. Hermenevtika kak obshchaya metodologiya nauk o duhe [Hermeneutics as common methology of studies learning spirit] / Per. snem.: E.V. Borisov. — M.: Kanon+ ; ROOI «Reabilitaciya», 2001. — 144 p.
2. Gadamer, H.-G. Aktual'nost' prekrasnogo [Urgency of the beautiful] / H.-G. Gadamer. — M.: Iskusstvo, 1991. — 368 p.
3. Ovchinnikov, A.I. Pravovoe myshlenie v germenevticheskoy paradigme: Monografiya [Legal thinking within hermeneutic paradigm] / Rostov n/D: Izd-vo Rost. un-ta, 2002. — 259 p.

4. Syryh, V.M. Germenevticheskij krug kak metodologicheskij tupik [Hermeneutic circle as methodological impasse]//Sovremennye metody issledovaniya v pravovedenii / under edition of N.I. Matuzova i A.V. Mal'ko. – Saratov: SYUI MVD Rossii, 2007. P. 195 – 234.

5. Heidegger, M. Raboty i razmyshleniya raznyh let. Per. s nem. [Writings and thinking of different years. Translated from German] / Sostavl., perevody, vstup. Stat'ya, primech. A.V. Mihajlova. – M.: Gnozis, 1993 – 464 p.